

Утраченное равновесие

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

К вам обращены лица знаменитостей: юного Шекспира, молодого Мопса, молодого Малковского, Наполеона, Екатерины и Потемкина... Вы попали в картинную галерею, на выставку исторического портрета? Нет.

Вы читаете имена классиков — Гоголя, Островского, Некрасова, Тургенева, Л. Толстого, Лескова, Шедрина, Гюго, Ибсена, Ростана... Вам предлагают книги из серии «Библиотека всемирной литературы»? Тоже нет.

Наконец, перед взором мелькают имена и названия: «Глубокое синее море» Реттигана, «Экспериментальный детектив» П. Шеффера, «Криминология» Патера Устинова, «Моя профессия — синюх» из общества «Скарпаччи и Тарабузи», «Автомобиль на веранде» Сабата, «Утренняя фея» Касона... Нет, мы не в отделе зарубежной книжной торговли. Все это — премьеры, подготовленные драматическими театрами Москвы в 1983—1984 годах.

На первый взгляд, напрашивается вывод о преобладании классических и исторических тем в репертуаре, о тяге театров к зарубежной драматургии. Легко было бы дать этой тенденции отрицательную оценку. Однако все обстоит значительно сложнее.

Прежде всего премьеры отражают дух времени с его интересом к истории, к прошлому. Огромную роль исторической памяти в плодотворном созидании будущего сегодня вряд ли кто будет оспаривать. Уровень культуры как отдельного человека, так и общества в целом, связан с тем, насколько бережно сохранены, глубоко усвоены ценности прошлого. Упрекать театры за интерес к историческим персонажам, классическим произведениям и зарубежной драматургии столь же несправедливо, сколь был бы несправедлив упрек, зачем выходит серия ЖЗЛ или издаются наши классики, зарубежные авторы. Распирение кругозора во времени и пространстве — так можно было бы определить эту тенденцию, и она заслуживала бы безоговорочной поддержки, если бы... Если бы это справедливое увлечение сочеталось с глубоким и масштабным осмыслением проблем нашей жизни, нашей современности. И вот тут обнаруживаются досадные пустоты...

Есть театры, которые вообще ничего не сказали о современности в 1983 году. Почти нет таких коллективов, которые поставили бы больше одного спектакля о нашем времени. И, что самое обидное, все эти постановки пользуются любовью у зрителей, становятся лидерами в репертуаре.

В романе И. Ильфа и Е. Петрова один из персонажей ос-

матривает старинную мебель в музее и завистливо приговаривает: «Богато жили люди!» Такую реакцию историзмом мышления никак не назовешь. Мещанский интерес к подробностям быта, интимной жизни великих людей прошлого, увы, диктует появление низкопробных псевдоисторических романов и фильмов, смакующих наиболее «сболазнительные» моменты любовных приключений и переживаний исторических лиц. Хотелось бы, чтобы театр учел опыт литературы и кинематографа в этом вопросе, проявляя большую строгость в выборе репертуара, и, главное, четче осознавал, во имя чего история к нам приходит: ради демонстрации роскошных туалетов, изящной мебели или ради живого диалога с прошлым, помогающего осмыслить современность и предугадать движение исторического процесса.

С другой стороны, стоит обратить внимание на некоторую «бесхозяйственность» и не очень плодотворную избирательность в постановке классических пьес. Речь о том, что, одно и то же произведение идет даже не в двух или трех, а в четырех (!) московских театрах. Всего три года назад Малый театр поставил пьесу Островского «Без вины виноватые», она до сих пор находится в его репертуаре, а в этом сезоне к ней обратились еще два московских коллектива — ЦАТСа и Театр киноактера. Конечно, можно сказать, что таким образом был отпразднован столетний юбилей со дня первой постановки этой пьесы. Но, может быть, стоило вспомнить о таких сочинениях, как «Доходное место», «Гроза», «Горячее сердце», «Таланты и поклонники», — шедеврах великого драматурга, которым в 80-х годах не находилось места в афишах московских театров. На четырех столичных сценах идут чеховские «Три сестры», «Живой труп» Л. Толстого поставили в сезоне 1981/82 г. в Театре имени Моссовета, в середине следующего — во МХАТе, а «под занавес» текущего сезона «Живой труп» выпустили Малый театр и пыжский театр «Ромэн». Воистину неисповедимы репертуарные пути наших театров!

Нельзя сказать, чтобы имена современных драматургов совсем отсутствовали в перечне премьер нынешнего сезона. Важной чертой его было обращение многих театров к международному теме. Проблемы войны и мира, особенности идеологической борьбы на современном этапе волнуют сегодня всех, и хорошо, что театры привлекали к сотрудничеству ведущих наших журналистов-международников — авторов пьес на эти темы. И все же именно в этом году репертуарный голод на пьесу о се-

годнящей жизни вашего общества сказался так остро, что пришлось обращаться за выручкой и к старым произведениям («Где твой брат, Авель?» Ю. Элиса в Театре имени Моссовета), и к киноспециариям («Начинаем эксперимент» В. Черных в Театре имени Ленинского комсомола, «Сенна, любимая жена Федора» Т. Каленкой в Театре имени Гоголя), и к испещренным романам и повестей.

Таким образом, драматургия, рассказывающая о нас, живущих в середине восьмого десятилетия текущего века, представлена всего несколькими названиями. Новых характеров, новых проблем, неизведанных ему как читателю, зритель почти не встретил в этом сезоне. Показателем и выбором произведений для фестивалей спектаклей о рабочем классе: написанная более тридцати лет назад пьеса Б. Горбатова «Заков зимовик», чуть меньшего возраста «Фабричная девочка» А. Володина, десятилетней давности роман О. Кузаева «Территория». Даже здесь, на том репертуарном участке, где проблематика, конфликты, характеры и язык современности должны были бы проявиться с особой силой, фигурируют произведения, отражающие очень важные, но прелюбленные этапы общественной жизни. Приходится признать: драматургия и театры пока еще на полступах к воссозданию образа советского человека наших дней.

Возникает еще несколько проблем. Мы часто говорим: «простой человек», «скромный труженик», но как-то отвыкли изображать их на сцене. Сегодня драматургия, описывая героев, по должностной линии ниже прораба почти не опускается. Судите сами: в центре сюжета «Заков зимовик» оказываются начальники стройки в прораб, в «Дублере» — директор завода, главный инженер и их должностные, в «Линии» Л. Белая — прораб, в «Риске» по роману О. Кузаева «Территория» опять-таки действуют руководители. Похоже, если кто-нибудь сегодня захотел бы написать пьесу на сюжет «Иркутской истории», ему пришлось бы, настроившись на общую волну, Валю из пролазины перевести на должность директора магазина, а Сергея и Виктора сделать соответственно начальником стройки и главным инженером. Просто рабочий, просто врач, просто учитель почему-то выпадают из поля зрения драматургов, а если они обращаются к проблемам самого театра, то главные роли опять-таки достаются директору театра и главному режиссеру («Директор театра» И. Дворского). Разумеется, эта тенденция связана с проблемой, горячо обсуждаемой в последнее время нашей общественностью,

печатно, — проблемой руководства, соответствия руководителя должности, резерва руководителей. И все же надло недостатком внимания драматургов к личности в ее истинном духовном богатстве, отнюдь не всегда измеряемом положением человека на служебной лестнице.

Еще одно досадное репертуарное упущение. Когда-то драматургия и вслед за ними и театры пристально вглядывались в судьбы молодых. Характерны даже названия пьес двадцатилетней давности — «Современные ребята», «Вам 22, старик», «Как поживаете», «Парень». Погодились «Маленькая студентка», юные персонажи розовых пьес, молодые офицеры из пьес А. Штейна «Океан», юная «Варабаша» А. Салынского... В большинстве пьес этого сезона старше и среднее поколения занимают ведущее место. Лишь обращение к старей пьесе А. Володина «Фабричная девочка» дало возможность режиссеру Б. Шедрину и молодым актерам Л. Дребневой, В. Каревой, С. Прохазову и другим раскрыть перед зрителями мир юных. Но ведь в реальной жизни ровесницы володинских героинь потихоньку становятся «фабричными бабушками», а пьес в спектаклей о нынешних девочках, активно утверждающих себя в жизни, увы, нет. Словом, отсутствие в спектаклях узловых тем и проблем современности — отличительная и малорадушная черта подходящего к концу театрального сезона.

«Публика обзурет драматические таланты», — заметил Пушкин, и это, конечно, верно. Но здесь лишь одна сторона проблемы. В идеале между театром и зрителем связь должна быть обратной, и театру надлежит столько же учитывать интересы зрителей, сколько и формировать его вкус. Может быть, расчет на зрителя, пришедшего в театр «отдохнуть», и приводит к большому количеству спектаклей, оставляющих холодными тех, кто ждет от сцены «волнующего урока»? Еще так недавно посещение московского театра было одной из самых больших радостей и для москвичей, и для приезжих. Сегодня же творческая инертность многих руководителей приводит к падению авторитета театров, еще совсем недавно пользовавшихся заслуженной любовью зрителей. И самими острыми на сегодняшний день являются проблемы формирования репертуара. Может быть, все же можно найти равновесие между прошлым и настоящим, зарубежной пьесой и отечественной, классикой и современностью, старшим поколением и молодежью, чтобы прошлое питало современность, а не заслоняло ее?

Б. ЛЮБИМОВ.